

Моей матери, Читре.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Заговор против мужчин	13
Обсуждаю со студентами порно	48
Право на секс	96
Эпилог: политика желания	119
Как не спать со своими студентами	151
Секс, карцерализм, капитализм	181
Благодарности	217
Примечания	220
Библиография	261
Указатель	262

я пришла
к обломкам затонувшего судна, а не к его истории,
пришла к вещи, а не мифу о ней

Адриенна Рич, «В глубину к обломкам судна»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Феминизм — это не философия, не теория и даже не точка зрения. Это политическое движение по преобразованию мира до неузнаваемости. Оно вопрошает: что будет, если прекратить политическое, социальное, сексуальное, экономическое, психологическое и физическое подчинение женщин? Оно отвечает: мы не знаем, но давайте выясним.

Для зарождения феминизма нужно, чтобы женщина признала себя представителем секс-класса, то есть представителем группы людей, которой присвоен низший социальный статус на основании пола. Пол — естественная дополитическая объективная материальная основа, на которой строится мир человеческой культуры.

Мы исследуем якобы естественное понятие «пола» только чтобы обнаружить, что оно уже перегружено значениями. При рождении все тела сортируют на «мужские» и «женские», некоторые из них приходится физически калечить, чтобы они соответствовали одной или другой категории. И многие из этих тел в дальнейшем не согласны с выбором, сделанным за них. Это первоначальное разделение определяет, какая социальная цель будет у тела. Одни тела созданы, чтобы производить новые тела, чтобы убираться, стирать, кормить другие тела (по любви, а не из чувства долга), чтобы удовлетворять потребности других тел в комфорте и контроле, чтобы другие тела чувствовали себя свободно. Итак, пол — это продукт культуры, выдаваемый за естественный порядок. Пол, который феминистки учили отличать от гендера, становится замаскированным гендером¹.

С полом тесно связано понятие «секса» — взаимодействия возбужденных тел. Одни тела нужны для того, чтобы с ними совокуплялись другие тела. Другие — для удовольствия, обладания, потребления, поклонения, обслуживания, самоутверждения других тел. Секс тоже считается естественным процессом, существующим вне политики. Феминизм показывает, что все это вымысел, который служит определенным интересам. Секс, который мы считаем личным, на самом деле публичен. Роли, которые мы играем, эмоции, которые испытываем, кто отдает, кто получает, кто требует, кто обслуживает, кто хочет, кого хотят, кому выгодно и кто страдает — все эти правила установлены задолго до нашего рождения.

Однажды известный философ сказал мне, что он не согласен с феминистской критикой, потому что только во время секса он чувствует себя по-настоящему свободным, во время секса он вне политики. Я спросила у него, что об этом думает его жена. (Сама я не могла поинтересоваться, ее на ужин не пригласили.) Это не означает, что секс не может быть свободным, феминистки давно об этом мечтают. Они не признают видимость сексуальной свободы: секс считается свободным не потому, что в нем все равны, а потому, что он повсеместно распространен. В мире сексуальная свобода не дана по праву, ее нужно добиваться, она недостижима в полной степени. Симона де Бовуар, мечтая о свободном сексе, писала во «Втором поле» (*The Second Sex*):

«несомненно, независимость женщин, даже если избавит мужчин от большинства проблем, лишит их и многих удобств; несомненно, сексуальные желания можно удовлетворить множеством способов, многие из которых со временем забудутся. Но это не значит, что любовь, счастье, поэзия, фантазии пропадут. Да будем же бдительны, чтобы наше скудное воображе-

ние не обеднило будущее... между полами зародятся новые плотские и чувственные отношения, которые даже сложно вообразить... Нелепо полагать, что... порок, наслаждение, страсть пропадут, если мужчина и женщина будут равны друг другу; противоречия, разводящие плоть и дух, мгновение и бесконечность, посюстороннее головокружение и потустороннее обаяние, совершенство удовольствия и ничтожность забвения никуда не денутся; сексуальность всегда будет воплощать напряжение, страдание, радость, несостоятельность и торжество жизни... наоборот, только когда рабские оковы спадут с половины человечества, а вместе с ними падет и лицемерная система... тогда человеческие отношения обретут истинную форму»².

Что нужно, чтобы секс действительно стал свободным? Пока непонятно, так давайте проверим и узнаем.

Эта книга посвящена политике и этике секса в мире, движимом надеждами на лучшее будущее. Они отсылают к ранней феминистской традиции, при которой секс не боялись считать политическим явлением, попадающим в рамки социальной критики. Женщины этой многогранной традиции — Сандра Ли Бартки, Исмат Чугтай, Кэти Коэн, Патриция Хилл Коллинс, Роксана Данбар-Ортис, Андреа Дворкин, Сильвия Федеричи, Суламифь Файрстоун*, белл хукс**, Сельма Джеймс, Одри Лорд, Кэтрин Маккиннон, Фатима Мерниси, Черри Морага, Дарлин Пагано, Адриенна Рич, Линн Сигал, Барбара Смитт, Мицу Танака, Эллен Уиллис — заставляют нас задуматься об этике секса, не

* Также встречается написание Шуламит Файрстоун. — *Прим. ред.*

** Намеренно писала псевдоним строчными буквами. — *Прим. ред.*

ограниченной рамками «согласия». Они разбираются, что вынуждает женщин говорить «да»; каким должен быть секс, чтобы на него согласиться; как так получилось, что мы наделили понятие «согласия» таким большим психическим, культурным и юридическим значением, что теперь не можем ему соответствовать. И они предлагают помечтать о свободном сексе вместе с ними.

В то же время в этой книге я хочу пересмотреть политическую критику секса в XXI веке: всерьез разобраться в сложных отношениях между сексом и расой, классом, инвалидностью, национальностью или кастой; осмыслить секс в эпоху интернета; понять, как для решения проблем секса используют силу капиталистического и карцерального* государства.

В этой книге я в основном рассматриваю случаи из США и Великобритании и немного затрагиваю Индию. Отчасти это отражение моего опыта. Но я сделала так специально. Англоязычный мир неизбежно остается в центре внимания, потому что западные голоса десятилетиями доминируют в современных феминистских размышлениях и практиках. Приятно осознавать, что патриархальному господству постепенно приходит конец. Думающие женщины и активистки со всего мира становятся все заметнее внутри англоязычного сообщества. Конечно, в своих кругах они вовсе не невидимки или «маргиналки». Взять хотя бы пару примеров. В Польше, где правое коалиционное правительство вводит законодательные ограничения на аборт, феминистки возглавили всеобщие протесты, которые прошли более чем в 500 городах и населенных пунктах. В Аргентине пять лет массовых шествий феминисток под лозунгом «Ni una

* Карцеральный — нацеленный на увеличение и ужесточение полицейского и государственного контроля. — *Прим. ред.*

Menos»^{*} привели к легализации аборт, а феминистки Бразилии, Чили и Колумбии, где аборт до сих пор незаконны, начинают следовать их примеру. В Судане женщины возглавили революционные протесты и свергли диктаторский режим Омара аль-Башира. Именно молодая суданская феминистка Алаа Салах потребовала от Совета Безопасности ООН, чтобы в состав переходного правительства Судана на равных правах включили женщин, группы сопротивления и религиозные меньшинства³.

Я непреклонна в вопросах прав секс-работников, разрушительности карцеральной политики, патологий современной сексуальности. В других же темах однозначного мнения не сложилось: не хочу сводить сложные и дремучие вещи к простым выводам. Феминизм должен быть безжалостно критичным в первую очередь по отношению к себе. (Историк труда Дэвид Рёдигер писал: радикальному движению «важнее быть честным с самим собой, чем доказывать правду власти»⁴.) Феминизм не сможет удовлетворить все фантазии: не у всех совпадут интересы; не все пойдет по плану, без неожиданных последствий; политика не приютит всех.

Активистка и исследовательница феминизма Бернис Джонсон Ригон еще в прошлом веке предупреждала о том, что настоящая радикальная коалиционная политика не станет родным домом для ее представителей:

«Союзы не формируются дома. Они зарождаются на улицах... И туда не приходят расслабиться и отдохнуть. Для кого-то победа, если в союзе они чувствуют себя в безопасности. Им нужен не союз, а дом!

* «Ни женщиной меньше».

Они хотят, чтобы их приютили и приголубили, но союзы вовсе не про это»⁵.

По мнению Ригон, именно убеждение, что политика должна быть идеальным местом, пристанищем, как она выражается, «маткой», ограничивает большую часть феминизма. Если считать феминизм «домом», в котором единство по умолчанию смыслообразующе, то это оттолкнет всех, кто не впишется в домашнюю идиллию. По-настоящему инклюзивная политика неудобна и небезопасна.

В этой книге я пытаюсь по необходимости сосредоточиться на дискомфорте и неоднозначности. Вам будет неудобно. Но я надеюсь, что кто-то узнает в этих главах себя. В них я не пытаюсь кого-то убеждать и что-то пропагандировать, но, если получится, я буду только рада. Наоборот, я пытаюсь сформулировать то, что многие женщины и некоторые мужчины уже и так знают. В этом вся суть феминизма: женщины дружно озвучивают несказанное, доселе невыразимое. Феминистская теория базируется на мыслях самостоятельных женщин; на разговорах на пикете, за конвейером, за углом или в спальне; на словах, которые они тысячу раз пытались сказать своим мужьям, отцам, сыновьям, начальникам или избранным должностным лицам. Благодаря феминистской теории возможности женщин, скрытые за продолжительной борьбой, становятся яснее, доступнее. Но часто феминистская теория отвлекается от насущных проблем, только чтобы с высоты сказать женщинам, что значит их жизнь. Большинству женщин такие заявления ни к чему. У них и так забот хватает.

Оксфорд, 2020

ЗАГОВОР ПРОТИВ МУЖЧИН

Я знаю двух мужчин, которых наверняка посчитали насильниками по ошибке. Один был состоятельным молодым человеком, которого обвинила отчаявшаяся девушка: она украла несколько кредитных карт и пыталась бежать. Обвинение в изнасиловании было только частью более серьезного мошенничества. Но мужчины не было на месте предполагаемого изнасилования, никаких доказательств, кроме ее показаний, тоже не обнаружили, а другие подробности истории оказались ложными. Его не арестовали, ему не предъявили обвинения, и полиция заверила его, что все будет в порядке.

Другой мужчина был отморозком: самовлюбленным обаятельным манипулятором и лжецом. Он принуждал партнерш к сексу всевозможными методами, которые не попадали под юридическое определение изнасилования. Женщины, с которыми он спал (молодые, рано повзрослевшие, самоуверенные), давали свое согласие; более того, он заставлял их думать, будто это они его соблазняют и управляют ситуацией, хотя на самом деле все было наоборот. («Она соблазнила меня», — так в основном оправдываются насильники и педофилы.) Когда одна из тех женщин предъявила обвинения, узнав спустя много лет его настоящую сущность, многим его знакомым показалось, что она искала правовой защиты от обиды, ведь ее использовали, ею манипулировали и ей лгали. Возможно, помимо прочего, он и правда ее изнасиловал. Но улики говорили об обратном. Ему так и не выдвинули обвинения, хотя из-за его дерзкого и непрофессионального поведения ему пришлось уйти с работы. Насколько я знаю, этот мужчина (он успешно нашел новую работу) продолжает манипулировать

женщинами, только более осторожно и тихо, правдоподобно отрицая свою вину и дальше. Теперь он еще и мнит себя феминистом.

Но изнасилованных женщин я знаю в разы больше. Это неудивительно. Их насилюют чаще, чем мужчин ошибочно обвиняют в домогательствах. За единственным исключением, ни одна из моих знакомых не выдвинула обвинений через суд и не обратилась в полицию. Когда мы учились в колледже, одна моя подруга рассказывала мне, что ее знакомый, друг друга, во время вечерней групповой экскурсии, когда они дуррачились в общежитии в пустой комнате отдыха на бильярдном столе, насильно вошел в нее. Она сказала «нет», сопротивлялась, в конце концов оттолкнула его. Они продолжили веселиться. Мы с ней не подумали заявить в полицию. Она просто позвонила обсудить произошедшее, мы не считали это изнасилованием.

Бывает, что мужчин ложно обвиняют в изнасиловании, бесполезно отрицать это. Но такие обвинения редкость. Наиболее подробное исследование заявлений о сексуальном насилии, опубликованное в 2005 году Министерством внутренних дел Великобритании, показало, что только 3% из 2643 заявлений, поданных в течение 15 лет, были «вероятно» или «возможно» ложными⁶. Однако полиция Великобритании, основываясь на личных суждениях сотрудников, отнесла тогда к ложным в два раза больше заявлений — 8%. В 1996 году ФБР тоже собрало в отделениях полиции США 8% «необоснованных» или «ложных» жалоб⁸. В обеих странах восьмипроцентный показатель в основном зависел от склонности полицейских верить мифам об изнасиловании. И в Великобритании, и в США они расценивали заявление как ложное, если не было физической борьбы, применения оружия или если у обвинительницы ранее были отношения с обвиняемым⁹. В 2014

году, согласно опубликованным в Индии данным, в Дели 53% заявлений за 2013 год оказались ложными, от чего индийские борцы за права мужчин пришли в восторг. Только определение «ложного» изнасилования расширили, чтобы включить все не дошедшие до суда случаи, не говоря уже о тех, что не соответствуют юридическим стандартам об изнасиловании в стране¹⁰, включая насилие в браке, которому подверглись 6% замужних индийских женщин¹¹.

В исследовании Министерства внутренних дел полиция признала ложными 216 жалоб из 2643. В этих случаях заявителя назвали 39 подозреваемых. Шестерых арестовали, против двоих выдвинули обвинения, но в обоих случаях их быстро сняли. Таким образом, если учитывать, что Министерство насчитало лишь на треть больше ложных обвинений, чем полиция, то только 0,23% заявлений об изнасиловании привели к незаконному аресту, и всего лишь 0,07% заявлений закончились ложными обвинениями. Ни одно из них не привело к неправомерному осуждению¹².

Я не предлагаю забить на ложные обвинения. Вовсе нет. Невинный человек, которому не доверяют, у которого искажена реальность, подорвана репутация, после и вероятно, у которого разрушена жизнь из-за манипуляций государственной власти — это нравственный скандал. И, заметьте, это похоже на опыт жертв изнасилования, которые часто сталкиваются с коллективным недоверием, особенно со стороны полиции. Тем не менее, ложные обвинения в изнасиловании как авиакатастрофа — это нештатная ситуация, которая занимает исключительное место в общественном воображении. Откуда тогда у него такой культурный заряд? Недостаточно сказать «потому что жертвы мужчины»: изнасилованных мужчин (в основном другими мужчинами) намного больше, чем ложно обвиненных в изнасиловании¹². Может быть, дело не столько в том, что жертвы как правило мужчины, сколько в том, что виноватыми в этих ошибках считают женщин?